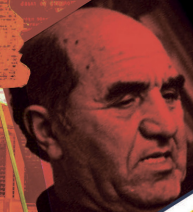

**100 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

**XX
-
XXI**

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

**ВСЕСОЮЗНЫЙ
СЪЕЗД
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Валерий Георгиевич Попов
Жизнь в эпоху
перемен (1917–2017)
Серия «100 лет великой
русской революции»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55318883

Жизнь в эпоху перемен (1917–2017): Страта; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-9500266-9-0

Аннотация

Повесть охватывает столетний период российской истории от 1917 года до наших дней. Отец писателя запомнил ее главные вехи, запомнил в ярких и упоительных картинах, а Валерий Попов пересказывает их в собственной, неповторимой и узнаваемой стилистике. Опираясь на документальные свидетельства, вспоминая этапы собственного личного и творческого становления, автор разворачивает полотно жизни противоречивой эпохи.

Содержание

Глава первая. Утерянный рай (1911-1914)	5
Глава вторая. Начало перемен (1914-1917)	10
Глава третья. Революция в Березовке (1917-1920)	17
Глава четвертая. Перемены (1920-1922)	22
Глава пятая. Ташкент (1922-1923, 2001)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Попов

Жизнь в эпоху

перемен (1917–2017)

© Попов В. Г., 2017

© ООО «Страта», 2017

Глава первая. Утерянный рай (1911-1914)

Жизнь моего отца полна ярчайших сюжетов. И если бы он писал – я бы в лучшем случае стал при нем скромным Дюма-сыном. Но боюсь, что и «Даму с камелиями», написанную сыном Дюма, написал бы тоже мой отец – а мне бы не оставил вообще ничего! Но поскольку он не писал – было некогда, – все оставил мне, рассказал.

Вот он – первый раз без присмотра, в восторге бежит куда-то по кривой тропке, еще не окрепшие ножки запинаятся о колдобины – но это неважно: он в первый раз выбежал в мир! Ветерок, солнце! Рядом, чуть впереди, так же восторженно, как и он, скачет воробушек, тоже младенец, и тоже, видимо, в первый раз!

И вдруг (в этом месте отец поднимал две растопыренные ладони) – сбоку несется черная тень, она все увеличивается и накрывает их!.. Хлопанье крыльев, жалобный писк – и снова безмятежное солнце, только батиного друга на тропинке уже нет – унес коршун. Тень смерти пронеслась! И показано это ему года, наверное, в полтора. Почему на все живое и радостное налетает черная тень?

Ведь не было ничего лучше жизни в деревне! Во всем – радостный смысл, ни одной бессмысленной минуты. Еще

ползая на четвереньках, рассказывал отец, – выцарапывал из земли вкусные корешки и грыз их, откуда-то уже все знал. Тогда с ранних лет чувствовалось: земля – это главное, что окружает тебя, она кормит и спасает, она – источник жизни... сейчас она воспринимается большинством лишь как место для могилы – отсюда, наверное, и всеобщий пессимизм. Может быть, когда земля казалась живой, не так страшно было ложиться в нее, как сейчас, когда земля кажется холодной и мертвой?

Ранней весной ручейки стекали по косогору, а двухлетние мужички, ползая и деловито сопя, выцарапывали для ручейков русла, направляя воду в свой огород: «Вот, пошла к нам!» – и в сладкой усталости вытирали лоб грязной ладонью. Какая, впрочем, грязь? Это земля, где рождается жизнь – из тех семян, которые бросишь ты. И какие могут быть сомнения в смысле твоего существования? Вот он, смысл!

Сейчас, больше чем через сто лет после отцовского деревенского детства, я иду по Невскому, мерцают гирлянды, впереди новый, 2017 год. Молодой папаша, прижав к животу, тащит задохнувшегося в целлофановом мешке большого игрушечного медведя с тусклыми пуговками вместо глаз. А в их годы, рассказывал отец, на зиму брали в дом живого теленка, чтобы не мерз в хлеву. Вот это была игрушка – мычащая, лижущая их щеки горячим шершавым языком! Чуть не дрались дети – кому ухаживать за ним – и потом уже за-

нимались этим и летом, и всегда! И становились хозяевами без каких-либо понуканий, наоборот – с восторгом. А с этим вот чучелом медведя чего делать, когда надоест своей тупостью, неподвижностью и бесполезностью? Просто – будет пространство отнимать, и все! И ребенок – боюсь, такой же вырастет, малоподвижный и бесполезный, как игрушечный медведь! С кем поведешься. Но где сейчас телят взять? Почему жизнь из осмысленной и полезной, пахнущей землей и выращенными тобой огурцами, стала какой-то пустой, свелась – при любой профессии – к нажиманию клавиш на компьютере, к ощущению, что от тебя ничего не зависит?

Что за изменения произошли с человечеством? И кто сделал это?

А ведь лучше прежней жизни и не было – каждый день наполнен делом и смыслом, ощущением прямой пользы твоих, пока маленьких, дел – и картинами природы, столь значимыми для всех. На небо смотрели с надеждой! А сейчас и в окно посмотришь разве что вскользь, в размышлении: какие ботинки надеть. А впрочем, без разницы! – всего-то дойти до метро. Погода – без разницы, да и все как-то так... А тогда – это был бесконечный, великолепный, ни на миг не отпускающий огромный театр от горизонта до горизонта!

Как лучший в своей жизни вспоминал отец летний обычный день, когда они с матерью поехали всего лишь сгребать скошенную на лугу траву. Путь был неблизкий, и зная это, отец привольно раскинулся в телеге и смотрел в небо. Сколь-

ко ему было лет – он не помнит, только помнит, что лежал поперек телеги, значит, был совсем невелик. Но какой мир открылся перед ним, какая игра солнца и разноцветнейших, на восходе, облаков! «Даже пошевелиться почему-то боялся! – вспоминал отец, – чтобы не спугнуть...» Что? Какой компьютер это изобразит? Цвета! Запахи! Вызывающее восторг потряхивание телеги на кочках! И вдруг прямо в зенит выкатилась тучка, зарокотал гром, крупные капли застучали – звонко по телеге, мягко – в пыль. Отец даже не пошевелился – восторг только нарастал! Я не был там, но почему-то и для меня самый волнующий запах – чуть прибитой дождем теплой и пышной пыли, – когда лишь отдельные темные капли, как шляпки гвоздей, придавливают ее. Дышал бы этим всегда – но теперь лишь изредка, на бегу, вдохнешь... – где теперь это можно поймать, чтобы так все совпало? Но ведь бывает же! Главное – не пропустить.

...Телега вдруг стала разворачиваться, он приподнялся.

– Намокнет наше сено, опять погоду надо ждать! – сказала мать, впрочем, без всякой горечи. Жить природой да еще обижаться на нее – глупость несусветная.

– Ничего, Егорка, – и дома работа есть! – сказала мама.

Но тут погода пришла – южное солнце, казалось, навсегда, завладело небом. Даже от телеги повалил пар!

– Выходит – правы старики, в этот день всегда сено сгребают! – сказала мать, и они опять свернули к лугам. Но на полдороге – опять дождик, и еще посильней!

– Тыфу ты! – сказала мать, и опять они повернули, и опять – жара! Он вспоминал, что в этот день они с мамой, смеясь, поворачивали туда-сюда несколько раз – ласковая и добрая природа играла с ними, веселила – крестьянский труд вовсе не был уныл. И вот – все же приехали на луга, к реке! «Слава богу!» И было рано еще – тот роскошный день только начинался. Слезли с телеги, взяли грабли (у отца были специальные маленькие грабельки – его). И еще один лучший в мире запах – скошенной, чуть подсохшей травы – лучше всяких духов. Изредка лишь теперь ловишь его, пробегая мимо газона. Еще слаще, наверно, пахнет только трудовой пот, потому что связан со сладким чувством – вот она, сделанная тобой работа, на виду. Последняя моя мечта, увы, неосуществимая: «Мне бы в тот день!». Но отец так рассказывал, что я почти что там был...

Глава вторая. Начало перемен (1914-1917)

Отец рассказывал, что года в четыре вдруг выцарапал глаза у царя. Зачем? Объяснить не мог! Ему, скорей, нравился этот усатый красавец, «царь-батюшка наш», как пояснила мама, наклеивая картинку на стену. Сделал это мой отец, я думаю, исключительно из любознательности – как незадолго до этого выпил из блюдечка яд для мух и едва не умер. Появление царя в избе было актом лояльности: глава семейства, Иван Андреевич, находился в бегах, разыскивался. И пострадал, можно сказать, из-за грамотности: любил читать книги, в избе даже была полка с книгами. Подружился с сельским учителем, у которого книг было много, в том числе – революционные. Трудно теперь понять, почему тогда образованные люди увлекались революцией? Кто читает – тот знает историю и видит: прогресс неизбежен. Сменился же рабовладельческий строй феодальным? Значит, и с этим, теперешним, надо бороться – как знаменитый Спартак боролся с рабством!

Учителя арестовали. Ивану Андреевичу пришлось бежать. В деревне знали – все свободное время он проводил с деревенским учителем, хотя школу-четырёхлетку закончил уже давно и был уже вполне обстоятельным, семейным му-

жилом, вел хозяйство, но все свободное время проводил с учителем – и книгами. Значит – вольнодумец! Пришлось бежать, и как раз вскоре нагрянули жандармы.

И это бегство Ивана Андреевича было уже не первым – в бегах он был и после 1905 года, когда власть пыталась разобраться с первой русской революцией и наказать виновных... И что-то крамольное говорил Иван Андреевич уже тогда. Но – что? Земля была в те годы в общинной собственности и распределялась по наделам каждый год по решению общины – в зависимости от производительности семьи и количества «ртов». Сказать, что мало выделяли земли, – это неправда: работать приходилось от зари до зари.

Исчезновение Ивана Андреевича привело прежде всего к ощутимому перерыву в появлении детей. Старшие – Михаил, Николай и Анастасия, родились еще до 1905-го, революция прервала этот процесс, потом хозяин вернулся и наверстывал упущенное с крестьянской добросовестностью: в 1909-м родилась Татьяна, в 1911-м мой отец – Егор, потом самая младшая сестра Нина. Но в 1915-м Ивану Андреевичу опять пришлось отлучиться. Жандармы как раз приехали разыскивать его, и тут – надо же, какая неприятность – у царя на плакате выцарапаны глаза! Матери, я думаю, было неловко перед гостями – объяснить отсутствие глаз у царя, как нечто совсем случайное, было нелегко. И тут вбежал радостный Егорка с удочкой и двумя язями. Увидев в тесной горнице столько больших людей в красивой форме, Егорка

оцепенел. «Это родственники царя, приехали мстить!» – такая страшная мысль посетила его. Отец всегда мыслил парадоксально, но по сути – верно. «Он дурачок у нас!» – ласково сказала мать, ероша его вихры. Жандармы лишь пожурили его. А ведь будь он чуть постарше, могли бы и увести. И стал бы мой отец пламенным революционером! Хотя навряд ли. Страсть его была направлена на другое. А вот был ли «пламенным» отец его, Иван?

Иван Андреевич (заросшее бородой лицо на фото, тяжелый взгляд) выделялся среди своих братьев умом, силой характера. Для чего-то особого был рожден! Норовил делать свое, отличающееся от прочих. Работу он делал – как без нее? Как он резал барана? Входил в хлев, хватал его за рога, нежно-нежно ножом выбривал шерсть на горле, потом вдруг резко поднимал его вверх хребтом к себе, зажимал коленями, и стремительно, без колебаний – р-раз! – перерезал ножом горло. Тут же подвешивал барана головой вниз на жердь, чтобы стекла кровь, и почти сразу же, пока тело не задубело, сдирал шкуру – потом это было бы намного тяжелей. А иначе как? Помедленней? Ничего не получится. Только так!

Зимой валял валенки. Удивительное зрелище: в гору овечьей шерсти продевают что-то вроде струны на палке и, оттягивая и отпуская эту струну, с печальным звуком сбивают шерсть в вязкую массу – тут надо иметь особое чутье.

Изба была крохотная, слепленная из самана (глина с на-

возом), когда я увидел ее, не мог поверить, что столько могучих красавцев и красавиц, родственников моих, в ней выросло. Но с ранних лет отец помнит полку на стене, задернутую кисеей, и на ней – книги. И как-то он встал на лавку, дотянулся и вытащил сразу две, с трудом донес до стола, открыл. Он говорит, что более роскошных книг не встречал и потом. Большие тяжелые страницы, разрисованные буквы, цветные иллюстрации, поначалу различимые смутно из-за тончайшего пергамента, закрывавшего их. Нежно пергамент поднимаешь – и оказываешься в волшебном королевстве. Короли, принцы со шпагами, дамы в длинных платьях... «Думаю, это был Шекспир, – говорил батя». Вошел Иван Андреевич, увидел сынка над книгами, но не пожурил, наоборот – был доволен. Даже когда батя выпил мушиную отраву из блюдечка и чуть не умер – отец его не ругал, понимая: знания не даются без усилий и даже риска. Потом научил сына переплетать, у него был переплетный станок, они вместе с удовольствием переплетали старые книги: для начала острым ножом-гильотиной аккуратно отрезали истрепанные края страниц. Когда книгу переплетишь сам, она становится для тебя особенно ценной.

Иван Андреевич был самый грамотный в деревне, хотя окончил лишь деревенскую школу, но писал каллиграфическим почерком потрясающей красоты – несколько листов с той поры сохранилось. Прочитав все церковные книги, стал покупать классиков, брать книги у учителя – и как тут не за-

думаться, читая Толстого, Успенского с их ярчайшими описаниями несправедливостей жизни? Все шло к тому, что мир надо совершенствовать – лучшие люди к этому призывали.

В свой первый побег Иван Андреевич завербовался на строительство Транссибирской магистрали – ведь не бездельник был, серьезный мужик! Но как и многие грамотные крестьяне, стал эсером, социалистом-революционером, сторонником перемен, что было вполне в его характере – всех переспорить и настоять на своем.

Недовольные были, конечно. Кому-то казалось, что ему дают землю поплоше, поэтому он и хуже работает. Хотя на самом деле все было, скорее, наоборот. Но была общая воля, деревенский сход, который в начале года землю распределял: каждой семье по ее возможностям. Дай землю навсегда – а вдруг род выродится, ослабнет, и земля превратится в пустошь – а попробуй ее отбери! Все было справедливо – хотя, возможно, сурово. Но любая справедливость кому-то покажется несправедливой. Семьи были разные и самовыражались по-всякому. Некоторые пахали и ездили на лошадях (как в нашей семье), другие – на более спокойных и послушных быках, покрикивая «цоб-цобэ!», а было даже семейство, которое пахало и ездило на верблюдах. Делай что хочешь! Что сделаешь – то и получишь. «Как потопаешь – таки полопаешь», говорили тогда. И особенного неравенства не было (полных разгильдяев изгоняли с позором, земли не давали) – и как-то их постепенно и не стало. Так с кем бороться? Что

интересно, в этих вольных землях между Волгой и Доном и помещиков не было – некого свергать. Был в селе один богатый мужик, грузил целые баржи дынями и арбузами – но в чем его могли упрекнуть?

Батя рассказывал, что однажды тот нагнал его в степи на двуколке.

– Егорка? Садись, довезу! Отец твой дома сейчас? Нет? Скажи, как появится – пусть идет ко мне. Мне грамотные нужны – большие дела будем делать, богато будете жить!

Но предложением этим Иван Андреевич не заинтересовался. С его умом – арбузы катать? Идея вселенского равенства, брошенная в массы, жгла его.

Да и все мировые события клонили Россию к смуте. Отец, с его колоссальным чутьем и памятью, четко помнит, как в первый раз почувствовал неясную тревогу. Увидел на главной улице каких-то странных людей, всем своим поведением не похожих на местных и, прибежав домой, рассказал про них своей матери, Дарье Степановне.

– Да это белорусы! – сказала мать. – Беглые. Сбежали со своей Белоруссии к нам.

– Зачем?

– Да там же фронт у них, война с германцем, все выжгло.

– А почему они ходят не как мы? Цепочкою, один за другим?

– А-а. Это они привыкли так у себя ходить – через болота, по узким тропкам.

Да-а. Необычное тревожит всегда: откуда, зачем?

Глава третья. Революция в Березовке (1917-1920)

После революции 1917 года поначалу никаких изменений не произошло – уж больно много сил отнимала работа. Что тут можно изменить, когда порядок работ на селе установлен веками? Помещиков не жгли – потому как их в этих краях не было. Кого-нибудь поджечь? Но нормальные люди (а таких среди крестьян было большинство) понимали: после этого могут поджечь и тебя. Но перемены приближались – поначалу отдаленным, еле слышным грохотом. И мужики (многие из них воевали в Первую мировую) понимали: это не гром. Было ясно, что скоро война придет сюда, и что-то надо будет решать: за кого воевать? Мужики стали собираться, ругаться: были, которые за перемены, но большинство – против.

Отец вспоминает, к ним в дом прибежала соседка:

– Степановна! Беги скорей! Там на сходе мужики твоего Ивана хотят убить!

У матери болели ноги и она скомандовала:

– Егорка! Беги туда! Крикни ему, что Мишка прискакал, срочно его зовет!

Старший сын Мишка был уже красный командир, однажды появлялся у них – верхом, на взмыленном коне, в шлеме и в кителе с алыми застёжками.

Батя побежал на площадь перед церковью, увидел, что разъяренные мужики окружили Ивана Андреевича плотным кольцом – мог бы и не вырваться.

– Мамка зовет! Там Михаил прискакал!

Мужики расступились. Появление Михаила – это серьезный аргумент.

– Ладно! Опосля договорим! – грозно произнес Иван Андреевич и пошел.

Михаила во всей красе отец видел лишь однажды – и не в этот раз, а раньше: они как раз всей семьей растаптывали саман, глину с навозом, чтобы высушить и нарезать кирпичей, сделать пристройку к сараю: еще один теленок должен был появиться. И тут над этой неприглядной картиной (все по колено в навозе) вдруг воспарил Михаил, красавец на гнедом жеребце... но так и не спешил: сказал что-то подошедшему к нему Ивану Андреевичу и стремительно ускакал. Может быть, даже сказал: «Мы отступаем! Беги!»... Не будем заниматься домыслами и рисовать карту военных действий, которую, я думаю, и тогда никто толком не знал... Вернемся лучше к конкретным картинам. Шла война – но дел-то никто не отменял. Высушили саман, нарезали кирпичей. Слепили пристройку... как можно отменить жизнь?

Гражданская война, несомненно, шла, хотя четко разобраться, где кто, людям, живущим в деревне, было нелегко – даже взрослым, не то что детям. Сделаем только один неиз-

бежный вывод: раз Красная Армия была и скакали командиры, то, очевидно, была и Белая?

Ребята поначалу относились к войне как к игре, как к интересному продолжению их детских игр. Сидели в боковом узком проулке, а вдоль главной улицы бил пулемет. Чей? Может, кто-то и знал, но дети не знали. Слышали красивый свист пуль, потом на спор перебежали улицу. Считалось, что пули воду не пробивают – и как только начиналась стрельба, все бежали в реку... Терса – теплая и красивая, я тоже купался в ней, хотя значительно позже.

Еще они ловили пули – вспоминает отец, – когда те, уже на излете, но еще очень горячие, трепыхались в пыли, – и накрывали их ладошкой, как птенцов.

Никакой явственной победы «белых» или «красных» отец не помнит – проносились в пыли отряды и исчезали – захват села их не интересовал. Но стрельбы было много. Пришлось привыкать.

Завтракали, обедали и ужинали во дворе (климат жаркий, степной) – под огромной старой развесистой грушей (я ее видел, застал!) – многие уже засохшие ее ветки были отпилены, торчали сучками. И на них вешали всяческую домашнюю утварь, груша вся была обвешана ими как елка: кувшинами, железными кружками, серпами, шапками. Отец вспоминает, что с детства каждое утро любовался этой красотой. И с наслаждением вешал и снимал с отполированного уже годами сучка маленькую, свою любимую, кружечку. Од-

но лето, вспоминает отец, трапезы эти протекали под непрерывный свист пуль и снарядов, пролетающих чуть выше головы. По примеру хозяина, Ивана Андреича, было принято никак не реагировать на эти мелодичные трели – и действительно: шарахаться от каждой пули, кидаться наземь – толком и не поешь.

Раз и навсегда была принята одна версия – стреляют вовсе не по ним (что толку-то?) – бьют по отряду, засевшему за рекой, в монастыре – вот по ним и палят! А мы-то с какого боку тут? Разве что совсем дурацкая пуля залетит. Но уж рассчитывать свою жизнь «под дурака» – это совсем несолидно, гораздо достойней не обращать внимания. Отец говорит, что не помнит (да и тогда-то не знал), какой отряд («белый» или «красный») засел в монастыре (говорилось просто: отряд).

Однажды пульей сбило с сучка железный котелок, и он кувыркался, как граната. Все затихли... Потом снова стали есть. Почему Иван Андреевич не воевал? Может, по возрасту? Но скорее, я думаю, и с «красной платформой» он почему-то был не согласен. Он редко когда с чем-нибудь был согласен.

Кто занял после боев село – особо не различали (ведь и в Белой армии воевали в основном мужики), но чувство опасности уже не уходило.

Отец вспоминает похороны: шло все село, когда убили сына одного очень хорошего мужика – семью эту в деревне все любили и уважали. За что убили? Да просто так! Отец с сы-

ном работали в поле – и вдруг чей-то снайпер стал в них стрелять с дальней колокольни. Зачем? А просто так – потому что война и патроны выдали, и надо их потратить. Старший, поскольку воевал на Первой мировой, побежал и упал в канаву, а сын – растерялся, заметался и был убит. И это как-то настроило сельчан вообще против всех, кто стреляет. Какая тут «борьба за справедливость», когда людей убивают ни за что?

Посередине Терсы есть остров, длинный и песчаный, в зарослях ивняка и камыша (я и сам там ходил в свое время). Во время Гражданской войны на нем прятались дезертиры. Не хотели воевать! За «белых» или за «красных»? – а ни за кого!

Кому-то из «сознательных» (к счастью, не Ивану Андреевичу) поручили ловить дезертиров и «доставлять». Ночью кто-то подошел к воротам этого «уполномоченного», окликнул, и когда тот подошел, выстрелили и убили прямо через доски ворот.

Потом началась стрельба на острове – уже свои убивали своих.

Так в Березовке победила революция.

Глава четвертая.

Перемены (1920-1922)

Гражданская война вроде бы закончилась, хотя чем – не очень пока было понятно. Вот только монашенки из разбитого монастыря жили теперь в деревне, по семьям. Старшая сестра отца, Анастасия, рассказывала ему потом, что после победы «красных» Ивана Андреевича спрашивали:

– Ну и чего ты нам обещал?

Иван Андреевич пришел в бешенство и решил показать, «чего». В книгах он читал, у того же Кампанеллы, да и у Чернышевского тоже, про «светлые города будущего», где все справедливо и поровну – а тут все как было, так и есть. С несколькими своими сторонниками, впрочем, не такими убежденными, как он, Иван Андреевич составил список членов коммуны, где все будет общее и поровну. И чтобы показать всем пример, пригнал упряжку волов, поставил семейный дом на полозья и отвез его в голую степь, к заброшенному и почти высохшему водоему, и там оставил дом вместе с семьей, а сам вернулся в село – перевозить остальных, записавшихся в коммуну. Но те как-то не спешили.

Мать, Дарья Степановна, была в отчаянии – жить без огорода, без коровы, в засушливой степи, с малыми детьми Таней, Егором, Ниной! Вот куда порой заводят передовые

идеи!

К счастью, в этот момент родное село навестил один из старших сыновей – Николай (второй по старшинству после Михаила). Давно уехавший, он учился в городе в экономическом училище.

С ним связана еще одна семейная история. Однажды Иван Андреевич поехал по делам в Елань. Уехал в сапогах, а вернулся – без. Оказалось – встретил там сына Николая, который учился в Елани в училище, но ходил босой. Иван Андреевич, не раздумывая, снял сапоги и отдал ему. И вернулся босой. Вот такой он был бескорыстный идеалист. Всегда действовал импульсивно, в порыве чувств. И был прав: начнешь размышлять, просчитывать, анализировать – и желание что-то хорошее сделать пройдет. Заботился он лишь об общем благе – но не всегда выходило складно.

И вот Николай закончил экономическое училище, вернулся в родное село – и что увидел? Дома нет! Место – это, а дома родного нет. Соседи объяснили. Николай, такой же вспыльчивый и решительный, как отец, нанял у тех же соседей волов и перевез отчий дом вместе с измученными родичами обратно – на берег Терсы, и дети сразу же радостно кинулись купаться. Иван Андреевич хмуро пришел в дом на прежнее место, но ничего не сказал. Тут надо было подумать.

«Светлое будущее» так и не наступало, но «темное прошлое» было уже почти разрушено – с наделами теперь было не разобраться, обещали «землю крестьянам», но – как?

Что было делать? Немало мужиков сгинуло в Первую мировую, потом в Гражданскую, некоторые сделали карьеру при новой власти, переехали в Елань и даже в Саратов... а кому пахать? И где пахать? И кому теперь пойдет урожай? Непонятно: чего можно и чего нельзя. Но большевики вскоре показали, чего нельзя. Нельзя жить, как прежде. Троцкий, один из самых радикальных вождей революции, считал крестьянство реакционным классом и повторял, что оно ни в коем случае не должно жить зажиточно, крепкие хозяева слишком самостоятельны, тогда как задача крестьян – безропотно кормить рабочих, передовой класс, отдавая зерно бесплатно. Наступила эпоха «военного коммунизма» (вооруженные отряды увозили из домов все запасы зерна), и начался страшный голод двадцатых годов.

К счастью, мама, Дарья Степановна, мать семейства, женщина твердая и самостоятельная, спасла семью. Иван Андреевич надвигающуюся коллективизацию не поддерживал – эсеры, как бы крестьянские заступники, уже были с большевиками «на ножах». Похоже, ничего хорошего ждать не приходилось, и Дарья Степановна, не слушая его, собрала младших, включая моего отца, и отвезла их к своему родственнику, под Ташкент. Тут ужегодились возможности другой семьи – Хромкиных, откуда Дарья Степановна была родом. А многие из оставшихся умерли от голода – особенно много поумирало детей.

...Последние свои годы бабушка Дарья провела у своей самой младшей дочки Нины, которая получила высшее образование, как и все ее сестры и братья (кроме самой старшей, Анастасии, которой досталась более тяжкая доля). А Нина (пожалуй, самая красивая из всей семьи, хотя красоты, по-южному, были все) стала главным врачом санатория в Черемшанах, на Волге.

Отец ездил туда, в гости к Нине, уже будучи средних лет, уже не кудрявым, а лысым. Бабушка Дарья, уже почти совсем обездвиженная, но по-прежнему властная, командуя всеми, лежала дома у тети Нины, а та, имея широкий доступ к лекарствам, поддерживала жизнь в Дарье Степановне. Однажды отец, приехав туда, решил зайти в местную парикмахерскую – и войдя туда и сев в кресло перед зеркалом, вдруг увидел, что все застыли в каком-то изумлении.

– Со мной что-то не то? – поинтересовался он.

– То! Самое то! – воскликнула самая старшая парикмахерша. – Если вот вам сейчас повязать платок – не отличить будет от Дарьи Степановны!

Думаю, что если сейчас и мне повязать платок – и меня тоже будет не отличить. Хромкинская порода. Но никого бы из нас на свете не было – если бы не Дарья Степановна и Ташкент!

Глава пятая. Ташкент (1922-1923, 2001)

Я вышел на трап самолета – и сразу почувствовал: Ташкент! Садясь в машину, я заслонился ладонью – такого яркого жаркого солнца, да еще в октябре, я не ожидал.

– Как тут у вас! – восхищенно произнес я.

Встречающие гордо усмехнулись, но ничего не ответили.

Не отрываясь, смотрел я в окно: где-то здесь в двадцатые годы отец мой спасался от голода, приехав сюда с сестрами и матерью к двоюродному ее брату, и вспоминал он Ташкент с восторгом – сказочный город после голодной деревни! И я почему-то сразу почувствовал себя здесь своим и даже счастливым. Наш род южный, степной – и я всегда испытывал счастье, приезжая на юг, и подъезжая к нему – выходил ночью на площадку, открывал на ходу вагонную дверь (тогда это еще было можно) и, зажмурившись, наслаждался горячим ветром, налетавшим рывками, гладившим лицо, треплющим волосы... Первый пирамидальный тополь, скрученный, как знамя, вонзавший в звездное небо тонкую темную пику, дарил счастье.

И здесь стояли они, такие же, туго закрученные, и даже при таком солнце – темные внутри. Отец говорил, что они жили в небольшом домике среди яблонь, слив, абрикосов.

Ташкент не только спас их, но и наполнил жизнь незабываемыми воспоминаниями. Даже события тяжелые – теперь уже, через столько лет, казались отцу трогательными...

Однажды, рассказывал он, они все заболели дезинтерией – мой будущий отец и его старшие сестры Настя и Таня. Лежали в комнате, распластанные на матрасах. Было жарко, их тошнило. Окна в сад были распахнуты. А младшая их сестра Нина, веселая и кудрявая, которую болезнь почему-то не брала, сидела у окна на абрикосовом дереве, один за другим ела мягкие желто-красные абрикосы и, смеясь, пуляла в комнату косточки. Отец вспоминал, что они тоже пытались отстреливаться, но косточки из их ослабевших рук не долетали даже до подоконника...

Провожая меня сейчас, он почему-то был уверен, что я найду это место. Горячая его убежденность – отметающая всякие мелкие проблемы, например, незнание точного адреса, передалась и мне. И я был уверен, что найду. Тем более – прилетев сюда! Я так увлеченно глядел в окно, что вроде забыл, с кем и куда я еду. Чуть опомнясь, я улыбнулся людям в салоне и снова повернулся к окну.

Отец вспоминал, как по дороге вдоль арыка (может, как раз по этой, где сейчас ехали мы) гнали овец – тесной, мохнатой, едко пахнущей отарой, которая, как он говорил, не прерывалась несколько суток. Блеянье, глухой дробный топот... иногда поднималась, красуясь завитыми рогами, голова барана, пытавшегося на ходу заскочить на овцу, но сза-

ди напирали другие, и ему приходилось, досадливо мемекнув, скрыться в общей серой массе. Изредка – лишь раз в день – вдоль бесконечного стада овец проносился всадник, в чалме и халате, ни во что при этом не вмешиваясь – овцы шли сами по себе. Отец, еще мальчик, был заворожен этим шествием. Его детский, но уже тогда аналитический, ум находил нечто поразительное в том, что другим казалось привычно-унылым. Поражало его, как двигалась колонна, с одной и той же шириной и скоростью – притом никто колонной не управлял, как она была запущена, так и шла, не сбиваясь и держа скорость и строй. Где же находится то, что управляет колонной и держит ее на протяжении многих десятков, а может, и сотен километров, в порядке? Какие-то таинственные силы управляют миром!

Потом отец увлекся секретами растений и научился ими управлять. Но первое ощущение тайны и глубины жизни он получил, когда стоял здесь. Именно в этот момент «оцепенения», изумления жизнью (которая всем кажется понятной и даже надоевшей, пыльной) – именно тут и родился в нем, наверно, ученый, открывающий новое – в привычном. Стал селекционером, переделывал вроде бы самое привычное, устоявшееся, незыблемое (что как-то даже страшно менять) – просо, рожь, кукурузу. Смело, ничего не боясь, сеял привычное в непривычных условиях, соединял несоединимое – и создавал сорта, более результативные, чем прежде.

А я соединяю слова так, как другие не соединяли, и тоже

создал свой «сорт», отличный от прочих. Да – без изменений, без риска, похоже, нельзя! Как отец обрадовался, узнав, что я еду в Ташкент, – надеялся теперь моими глазами снова увидеть все, что так страстно запомнил.

Между тем – пока ничего похожего на его воспоминания не было. Вместо стада овец вокруг были стада машин, пахло бензином. Как я найду то место, даже не представляя, где? Уверенность моя понемногу улетучивалась. Если вдруг не найду его места, отец обидится, раскипятится: такой человек – всегда жаждет невозможного!

Я смотрел на сухую желтую землю, мощные глиняные ограды, за которыми шла неизвестная мне, и поэтому столь манящая жизнь. Махалля! – вспомнил я название: такие вот дома, как маленькие крепости, называются – «махалля», и живет там, как правило, один род, довольно большое число родственников, по своим законам. Ни крохотного окошка, ни щелочки нет в этих могучих глиняных стенах, «дувалах» – и, говорят, лучше и не пытаться проникнуть туда.

Проехали железнодорожный вокзал, заполненную пестрой публикой площадь.

Переболев местной дезинтерией, отец энергично влился в здешнюю жизнь (возраст был такой, когда все интересно!), загорел, надел тубетейку (многие, вспоминал он, принимали его за узбечонка). Сколько, вообще, отец в своей жизни успел – даже завидно. Может, как раз потому, – пришла мне мысль, – что попал он в «эпоху перемен»? И где-то вот здесь,

у вокзала, стоял он с ведром воды и кружкой, и вопил:

– Хал-лодный вода! Хал-лодный вода! Миллион – кружка!

Такие были цены... И пассажиры, вываливаясь из душных переполненных поездов, жадно пили воду, платя по миллиону!

Отец говорил, что жили они с сестрами и мамой на «дачном участке», как теперь говорят, мотыгами пробивали канавки, по которым от арыка к арбузам и дыням шла вода, а кроме того, у хозяев был дом в городе, и пару раз они туда заходили.

– Скажите, а где тут Шкапский переулочек?! – неожиданно вспомнил я, нарушив то сонное оцепенение, я бы сказал, величие, с которым держались двое, сопровождавших меня. Впился в них взглядом: буквально – вынь да положь! Отец был так же нетерпелив, когда ему вдруг что-то «приспичило», как говорила мама. Ее благоразумие, склонность к общепринятому – и его «горячка», в конце концов и развели их. И мой внезапный вскрик, я заметил, ошеломил спутников. Тут не принято так! Хорошо хоть, что я это почувствовал. Важный, как бы слегка сонный директор (по его виду я сразу понял, что директор – он) даже не шелохнулся. Ни же его достоинства – реагировать на выкрики! Урегулировать мою бестактность взялся администратор. Потом я не раз убеждался, что здесь многое так построено: бай – слуга. Бай, если скажет слово, – потеряет достоинство. Потому мы все

так долго, включая водителя, ехали молча.

Администратор одет был не как бай – в обычные джинсы и бобочку, несерьезный наряд человека для мелких поручений, и со мной разбираться должно было ему.

– Шкапский? – сипло произнес он (долго молчали, в горле пересохло). – Да нет, не помню. Да тут столько раз переименовывали! – он махнул рукой.

– А я на какой улице буду жить?

Администратор глянул на шефа – и тот движением бровей что-то ему разрешил.

– На улице Жуковского, – сдержанно сообщил администратор.

– Вы будете жить в Доме Приемов правительства! – вдруг гордо произнес сам директор. Сообщение, видимо, стоило того, чтобы прервать надменное его молчание. Возможности, связи – вот что ценится тут! Я не мог это не оценить – и всплеснул руками. Хозяев тоже надо уважить – и реакцию мою они оценили. Молчание в машине стало дружелюбней.

– Салман Ахмедович сказал, что нам надо заехать на рынок! – где-то через четверть часа, почтительно глянув на директора, сказал наш слуга...

Когда это Салман Ахмедович сказал? Что-то не слышал. Но я – тоже важная шишка. Суета, неуверенность, переспросы – это не про нас. Сказал – значит, сказал... Может, они, как более древняя цивилизация, давно уже научились разговаривать молча?

И мы подъехали к рынку. Запахи пряностей, насыпанных цветными горками, будили чувства, которых я прежде не знал. Или – забыл. Но вот теперь что-то очнулось во мне. Вот я, оказывается, какой – утонченно-восточный! Сладкий аромат дынь мы почуяли раньше, чем увидели золотые их пирамиды. Праздник носа, который давно уже не знал ничего, кроме насморка! И глаз воскрес, прежде слезливо-тусклый, и жадно глотал цвета – синие халаты, полосатые халаты, овощи – от оранжевых тыкв до фиолетовой редьки, нежно-голубые павильоны с извилистыми узбекскими надписями из зеркальных кусочков. Я словно чувствовал, что и отец радостно видит все это моими глазами.

Купив дынь и винограда, отъехали. Салон наполнился ароматами.

– Теперь – прямо на студию, не возражаете? – подобострастно и одновременно нахально проговорил администратор. Этот – такой.

Хотелось бы вообще-то переодеться, но важные гости никогда такого не говорят, что может быть вдруг неисполнено. Я надменно кивнул.

Конечно, хотелось бы скорее прибыть в место моего сказочного проживания... но люди моего уровня никогда не спешат. Тут – Восток, с его законами. Плюс – волшебное царство кино! Это там, на севере, люди спешат. А здесь – расслабься и насладись!

В восьмидесятые годы, когда все это происходило, не бы-

ло ничего слаще, чем работа в кино. По уровню доходов киношники (а особенно сценаристы) шли на первом месте – богаче их были лишь те, кто нарушал Кодекс. А сколько было в кино дополнительных благ, которые значились, как рабочие будни! Как минимум, два выезда, один из них обязательно на Черное море – ведь только там осенью солнце и можно снимать. Заграница снималась обычно в Таллине или Риге, а тогда города эти и были для нас самой настоящей заграницей, со всеми прелестями. Ну и, конечно, умный директор непременно закладывал в бюджет фильма «дополнительные расходы»: банкет всей группы по случаю съемки первого кадра, сотого кадра и так далее. Славно вспоминать те застолья – пусть даже без стола, на пляже в закат или на склоне горы с потрясающим видом... как-то естественно завязывались служебные романы. Эх!

Потом надо было все это «приводить»: фильм-то был про директора завода или про пионерлагерь... Справлялись! Справлюсь и я! Не зря меня, умеющего сочинить праздник из чего угодно, пригласили в Ташкент. «Ташкент – город хлебный!» И я прилетел. Задача, впрочем, была сформулирована как-то смутно: «Написать сценарий?» – «Ннне совсем!» – «А что?» – «Ммммм...». Вот это «мммм» меня и манило. Вкусим!

На студии, которую я и разглядеть толком не успел, меня сразу же запихнули в темный зал, и я часа три в темноте

и полном одиночестве (больше желающих почему-то не нашлось) смотрел что-то невероятное... Роскошные женщины. Рестораны. Лазурное море. Яхты. При этом иногда, очень редко, мелькали какие-то суровые пустыри и проходил один и тот же чекист в кожаной куртке. Время от времени к нему подбегали двое босоногих мальчишек – один русский, другой узбек – и что-то возбужденно ему говорили. Видимо, сценария фильма еще не было, поэтому и звука тоже, и еще можно было вложить им в уста любые слова. Хорошо это или плохо? Свобода!.. Но от свободы этой как-то кружится голова. По тем «фрагментам скелета», которые я разглядел, я сообразил, что фильм – о правильных детях, помогающих чекистам где-то в Гражданскую... Но остальные – кто? Все эти шикарные люди в ресторанах, отелях и на яхтах? Видимо – враги? Кто же еще! Но почему ж их так много? Ну ничего – справимся! Снова – банкет на яхте, все в белом. Ясно пока лишь одно: создатели всего этого бешено прогуляли все деньги, отпущенные на фильм, в ресторанах и на яхтах... а я теперь должен все это оправдать – с точки зрения революционной романтики. Но успокойтесь, не волнуйтесь: я тоже не буду так уж тут надрываться. Здесь, насколько я понял, это не принято... сделаю как раз как надо. Все эти красавцы и красавицы будут двойными или тройными агентами, как миленькие! И как раз между двойными, которые на самом деле не наши, и между тройными – которые на самом деле наши, развернется борьба. Естественно, в ресторанах, на яхтах и в

роскошных отелях – поубивают друг друга, а босоногие дети останутся жить. Надо воспеть их романтическое детство: это я берусь! При встрече я произвожу порой обманчивое впечатление: кому-то кажется, что я не секу, хотя на самом деле я все давно просек и уже мысленно сделал.

Экран погас, и администратор вывел меня в сухой двор, где был накрыт «дастархан» со всеми дарами узбекской земли, но сесть мне директор не предложил – сам не сидел. Тут он сам оказался на побегушках, подавал дыни с рынка, которые мы привезли. Да – не мне покупались дыни и виноград! Пирамида власти тут уходила в небеса – и даже постоять у ее подножия считалось за честь. Может быть, тут даже был режиссер, а может быть, даже и директор студии. Главное – я был им предъявлен: вот этот сделает! – и можно было мне уходить, а им – продолжать пир.

Но все же слегка побеспокоить их стоило, какую-то заинтересованность свою проявить. И чуточку обозначиться – куда ж они рыпнутся без меня?! Должны чувствовать – фильм-то не примут без меня!

– А скажите (что бы такое спросить?)... – а вот та фигура в белом, что лежит в луже крови, в номере отеля... Это кто?

Люди за столом недоуменно переглянулись. Мне показалось – они даже были оскорблены бестактностью моего вопроса.

Седой красавец во главе стола (может быть, даже режиссер фильма) изумленно посмотрел на меня.

– Что значит – «кто»? Это теперь вы нам должны сказать!

– Ясно.

Я все понял. Диалог состоялся.

– Можно приступать? – спросил я администратора.

– погоди! Зачем приступать?.. Салман Ахмедович говорит, что сейчас мы покажем вам город!

Опять! Салман Ахмедович этого не говорил: опять это почтительное угадывание мыслей начальства! Надеюсь, и мои мысли он тоже читает: не только одни музеи мы посетим?

И на том же раскаленном, пропахшем бензином, «рафике» мы поехали в город. Ташкент мне понравился. Все мы тогда знали, что после землетрясения 1966 года город восстановлен усилиями всей нашей страны, включая и Ленинград, и именно тогда на месте рухнувших старых домиков появились бульвары с красивыми домами, по которым мы сейчас проезжали. Посмотрели и старинные здания – медресе Кукельдаш, мавзолей Хазрати Имама – ажурные арки, мозаичные купола, но еще больше мне, как человеку простодушно-му и неискушенному, понравилось новое: Музей прикладного искусства, театр Алишера Навои, сделанные в старинном стиле, но более яркие. Понравилась площадь Независимости, с серебристым глобусом Узбекистана, как его ласково называли местные, и особенно глянулись многочисленные водные каскады, целые водопады освежающих фонтанов в окружении радуг.

Отдыхали мы в чайхане «Голубые купола», лежали, сняв

ботинки, на пестрой кошке, рядом булькал арык. Сначала принесли чай в большом сине-белом чайнике, потом местный желтый сахар кусками. Разговор шел неторопливый и вкрадчивый, но при этом – жесткий. Как-то я вдруг оказывался «крайним» во всем этом деле, единственным виноватым. Они долгое время наслаждались, снимая непонятно что, – точнее, понятно что: лишь то, что им нравилось – яхты, рестораны, баб, – а теперь я был должен за небольшую плату слепить из этого фильм про детей, помогающих чекисту. При этом и дети, и сам чекист сняты были исключительно скупой, а на досъемки, как объяснил мне администратор, остались гроши. Но при всем том тепло, ароматы, журчание арыка дарили покой и блаженство, и главное – непоколебимую уверенность, что все будет хорошо. С этим чувством я и подписал бумаги, и получил некоторый аванс.

На мое предложение выпить коньяку, который был в моей дорожной сумке, директор сурово сказал, что у нас рабочее совещание, и вообще он ждет результатов в ближайшие дни... Хотя торопиться тут явно было не принято – одна и та же сладко-заунывная песня на узбекском тянулась все то время, что мы здесь лежали – и она, неторопливо-сонная, с повторяющимся снова и снова напевом, была неотъемлемой частью этого неподвижного воздуха, неги... Потом подошел и улегся с нами еще один, молодой, оказавшийся оператором – Тимур.

Должность оператора, как бы не самая главная, скрывала

на самом деле неограниченные возможности. И меня в этот рай заманил он: остальные слишком величественны, чтобы думать. А он как-никак окончил ВГИК. И выяснилось – фильмом крутил он. И имел на меня четкие планы. Режиссер был слишком величественен, чтобы работать. А Тимур (имя подлинное) тогда работать еще мог. И все знали: если надо что-то сделать – обращаться к нему. Фамилия его теперь слишком известна, чтобы ее называть. Теперь он снимает самые известные фильмы в стиле фэнтези. А тогда он был упоен искусством серьезным, настоящим, в рамках фильма про детей и чекистов. Внедряясь в детско-чекистский фильм, он делал в нем фильм модернистский, изысканный, даже утонченный. Я видел эти куски, дивные пейзажи, но подумал, что такого не может быть, что это так, «гениальная опечатка» – но тут явился их автор. Мы встретились вовремя. Я готов был исполнить (вписать в фильм) любые его прихоти, но лишь с небольшой нагрузкой: он выполнит все мои. Поняв, что мы можем это сделать, – задохнулись от счастья!

Я сразу приступил к главному: Шкапский переулок! Тимур, который до ВГИКа выучился еще в местном университете, сказал, что слышал про такой, где-то он был тут рядом. Мы пошли в его любимую библиотеку: прохлада, старые кожаные кресла, обожающие Тимура интеллигентные библиотечарши. И самая лучшая из них, Ада Львовна, спасшаяся в Ташкенте блокадница, провела нас в подвал. И в Ташкенте, оказывается, есть места, где прохладно. Хрупкие книги с

грубыми штампами: «Подлежит уничтожению», «Списано», «Спасено». Осторожно перебирали... И вот – хрупкая, как осенний лист, брошюра: «Участники революционных событий в Ташкенте».

Естественно – грубый чернильный штамп: «Подлежит уничтожению». Ада Львона открыла страницу, и оказалось, что Шкапский – это не переулок, а... человек!

Шкапский Орест Авенирович
1865, Ташкент – 1918, Верный.

Учился в Москве, в Петровской Сельскохозяйственной Академии. В 1887 году арестован за участие в организации «Народная воля». Был в ссылке в Туркестане с 1887 по 1895 год. С 1899-го – действительный член Туркестанского отдела Русского Географического общества за труды по этнографии и статистике. В 1901 году удостоен Серебряной медали Русского Географического общества. Служил в областных органах управления Ташкента, Верного, Петербурга. С 1906 года член Народно-социалистической (Трудовой) партии. После Февральской революции был направлен в Ташкент по поручению Временного правительства «для устройства Семиречья». Став членом Комитета управления Туркестана, предпринял попытки урегулирования отношений между русскими, киргизами и дунганами и коренным населением Пржевальского, Пишпекского и Джеркентского уездов. После Ве-

ликой Октябрьской революции в ноябре 1917 рассылал воззвание, в котором призывал областных и уездных комиссаров Семиречья не исполнять никаких распоряжений большевиков, называл себя единственным представителем конституционного правительства в Туркестане. После того как установилась советская власть, активно сотрудничал с Комитетом Семиреченского казачества, был их представителем в органах власти. В 1918 году был Управляющим по национальным вопросам в городе Верный, снят с должности, после чего предпринял попытку побега в Китай, но был задержан. Благодаря многочисленным ходатайствам помилован, однако при невыясненных обстоятельствах убит в апреле 1918 года в г. Верный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.